

— Ва-а-аська!

Я с трудом перевернула ведро помоев в деревянное, плохо обструганное корыто. Протолкнувшийся вперед боров довольно захрюкал и опустил толстую морду в лохань. Позади него пытались пробиться к еде свинья и выводок молодых поросят.

— Эй, шустрый какой! — возмутилась я и отогнала его в сторону. — Мелких пропусти.

В ответ раздалось недовольное сопение, а затем боров и вовсе как-то очень многозначительно щелкнул зубами у моих лодыжек. Чуть край холщовой онучи не зацепил, ирод! Вряд ли мачеха расщедрится на покупку новой ткани. Эту-то едва выпросила.

— Ва-а-аська, бездельница, где ты?!

Пустое ведро от неожиданности полетело в угол. С моих губ сорвался тяжкий вздох: от мачехи у меня мороз по коже шел, как от ледящих историй, от скуки рассказываемых в зимнюю стужу. Я торопливо выскочила из сарая. В зеленой траве возле дома копошились рыжие куры. При виде меня они расступились и с интересом приподняли головы.

— Ко? — потрянув алым гребнем, требовательно спросил петух. От его некогда шикарного хвоста остались лишь три потрепанных пера. Схватку с соседским золотым гребешком, перелетевшим вчера через забор в надежде потоптать кур, наш все-таки выиграл, пусть и не без потерь. — Ко-ко?

— Утром я вам пшено рассыпала, — с укором напомнила я.

Петух, будто услышав, повернулся ко мне ошипанным задом и важно удалился вглубь двора.

— Васька!!!

Мачеха высунулась в окно. Ее громоподобный голос разнесся по двору, заставив борова испуганно взвизгнуть, а сидевшую на ставнях птицу сорваться с места и торопливо унести ввысь. Я не без зависти проследила ее путь. Мне бы крылья, и я бы тоже устремилась в прозрачную синеву неба.

Отец недолго горевал по матушке. Сказал, что дому нужна хозяйка, мне — мать, а потому довольно скоро женился на молодой вдове с двумя дочерьми — моими ровесницами. В первый же день названные сестры загнали меня в лужу и изрядно повозили в грязи, приговаривая, что теперь мне, ведьмину отродью, в этом доме места нет.

Я первое время пыталась рассказать отцу, который часто и дома-то не бывал, и о тумачах, и об обидных словах, и о том, что мачеха мне хлеба жалеет, но тот лишь отмахнулся: в бабы дела мужик лезть не должен. Так что я быстро поняла: просить помощи бесполезно. Матушка в могиле, отец давно позабыл о ее наказе оберегать меня. А больше опереться не на кого: только на себя. Разве что Тим...

Если бы не он, я бы пропала еще в первую весну после смерти матушки, когда меня босую выгнали в холодную ночь. Отец был в городе, да я и не уверена, заступился бы он за меня, окажись дома.

— Что случилось? — спросила я, подходя к окну.

Взгляд холодных, рыбьих глаз мачехи прошелся по мне сверху вниз, губы недовольно скривились, как и всегда, когда она натыкалась на меня. Я была для нее тем самым камешком в сапожке, приносящим боль и раздражение при каждом шаге. Ее светло-русые волосы, заплетенные в две косы и уложенные на голове короной, скрывал кокошник — тот, что привез ей из города отец в свою последнюю поездку. Вышивка на кокошнике была затейливой — как наши умелицы ни пытались повторить, не получилось. Это обстоятельство в глазах мачехи делало ее важной птицей. Не чета простым соседкам.

— Спесь в голосе умерь, обуза ты неблагодарная! — хлестко ответила она и, поправив на плечах платок с цветным узором, спросила: — Ты на сенокос ходила?

Я нахохлилась, как воробей, и покачала головой. Так и тянуло сказать, почему я не успела: слишком много дел было по дому и в огороде. Однако, наученная горьким опытом, я промолчала. Мачеха лишь злилась, слыша мои оправдания, и увереннее хваталась за хворостинку.

Уж что-что, а быстро бегать я хорошо научилась за четыре зимы, проведенные под одной с ними крышей.

— Ну и славно, — неожиданно сказала мачеха. — Ступай в лес, земляники набери. Пирогов с ягодой охота так, что сил терпеть нет!

— До вечера не обернусь, — предупредила я.

— Отчего ж?

Из дома донесся смех Златы, старшей моей нареченной сестрицы:

— Бабу-Ягу боится в лесу повстречать. Та ее по запаху учует, своей признает, в ступу посадит да унесет в избушку из костей!

Я загнанным волчонком посмотрела в окошко, где промелькнула светлая коса Златы. Чем старше я становилась, тем чаще заводились разговоры о том, что мое место в лесу, подле старой колдуньи.

— Матушка была травницей, а не ведьмой, — упрямо выпалила я.

Мачеха лишь фыркнула и швырнула в меня лукошко, которое я поймала на лету.

Ставни с грохотом захлопнулись. Высоко поднявшееся солнце жарило нещадно, но в деревянной избе благодаря закрытым окнам сохранялась прохлада.

Я подумала о ней с жадной истомившегося по тени путника. По спине струился ручеек пота, мысль прогуляться в лес казалась заманчивой. Там, под деревьями, легче пережить палящий зной.

— Эй, ведьмино чудище! — из-за прикрытых ставен вновь донесся голос Златы. — В лавку зайди, спроси, привезли ли новые ленты!

— Тебе батюшка что сказал? — услышала я Купаву, вторую сестру. — Не получишь ты новых лент, он уже и так на тебя поистратился. Теперь мой черед! Васька, в лавке спроси про новые обручи.

— Ах ты змеюка! Младше меня, а хочешь замуж первой выскочить?

Я не стала дальше слушать. Последнее время сестры только и делали, что лаялись из-за женихов. Обе грезили

отправиться под венец этой осенью. Приданое они уже собрали, оставалось только сговориться со свахой.

Я перекинула лукошко на локоть и, пряча глаза от палящего солнца, зашагала по деревне. Со смерти матушки она разрослась. Земля у нас богатая на урожай, о чем и прослышали в соседних краях. Пару зим назад, после страшного голода, многие перебрались к нам. Народа стало столько, что теперь, пожалуй, одной лавки даже маловато.

Я шла по узкой улочке и то и дело кивала соседям, выглядывающим через заборы. Кто-то отвечал на мое приветствие, кто-то нет. Для большинства я так и осталась ведьминой дочерью. Жалость ко мне, сироте при живом отце, смешивалась с опаской. А ну как я начну мужиков опаивать или скот травить?

Под мостом над ручьем девчушка с младшим братом пасли гусей. Сестрице едва минула девятая зима, а ее брату и того меньше.

— И гуси-лебеди, завидев их, как сорвутся с места, как набросятся на брата Аленушки. А знаешь, чьи гуси-то?

Мальчишка широко распахнул наивные синие глаза. Его сестрица сама грозно зашипела и вытянула шею, как рассерженный гусь.

— Чьи?

— Бабы-Яги! — торжественно проговорила та. — Ведьмы злой, в избушке из костей живущей!

— Ой-ой!

Мальчишка прикрыл глаза ладонями, а потому не увидел, как сестра ткнула в меня, проходящую мимо, пальцем.

— От ведьм-то только беды и жди!

Я вздрогнула, но не обернулась и шага не ускорила. Подумаешь, слова. Они не собаки, не укусят. Камни, летящие в спину, ранят гораздо сильнее.

Возле дома на трухлявом от времени пне, как на лавке, восседал Радомир — старец с бельмом на глазу. В его руках ловко мелькал нож, обнажая затейливую деревянную игрушку, которая медленно появлялась на свет: вот крылья прорезались, вот клюв. Под ногами у старика, все в стружке, ползало дите. Оно требовательно тянуло деда за штанину, а тот лишь отмахивался.

— Не торопи, разбойник. Будет тебе жар-птица! — Заслышав шелест моих шагов по вытоптанной траве, Радомир приподнял голову и усмехнулся. На лице, иссеченном морщинами, как шрамами, проступило неодобрение. Он, будто без особого смысла, сплюнул на землю, когда я поравнялась с ним. — Держи птицу крепко, внучок, не даст она тебя в обиду Бабе-Яге.

Я вскинула подбородок и все так же молча прошла мимо. Лишь на углу, у избы плотника, где один из мальчишек потянулся к камням, я, подхватив полы сарафана, стремглав побежала к лавке. Скорее-скорее-скорее! Сердце застучало, как будто рвалось из клетки на волю. Камни просвистели рядом, но не задели. Часть их градом застучала по двери, но я успела спрятаться внутри лавки. Так спешила, что прищемила край сарафана. Раздался треск ткани, когда я, переведя дыхание, сделала шаг в сторону прилавка.

За ним, склонившись над амбарной книгой, стоял Тим. Свет из небольшого окна падал на его рыжие волосы, которые он недавно обрубил по плечи, и играл в прядях медными всполохами. Тонкий нос щекотало гусиное

перо, когда Тим, задумавшись, что-то сверял в книге. На щеке темнел след от чернил.

Заслышав шорох ткани, Тим поднял голову. При виде меня взгляд его медовых глаз прояснился, а затем потяжелел. Он оглядел меня — неторопливо, внимательно, — и, я была уверена, от него не укрылось ни мое сбившееся дыхание, ни край сарафана, застрявшего в двери.

Тим покосился в окно, где у лавки пронеслись мальчишки, и негромко спросил:

- Попали?
- Нет.
- Ты испугалась?

Я покачала головой. Кажется, страх я оставила на могиле матушки, похоронила его в сырой земле, рядом с посаженными у оградки незабудками. Ни драка, ни боль меня не пугали. Я избегала и первого, и второго, но, столкнувшись лицом к лицу, не боялась.

В лавке витал аромат восковых свечей, пряностей и масел. На полках вдоль стен расположились крупы, письменные принадлежности, ткани, девичьи ленты и обручи. На самом прилавке, на дне высокой банки, лежали карамельные петушки на палочке.

— Видела, твой отец воротился с города. Привез что-то новое?

Тим усмехнулся — уголком губ, так, как умел только он: чуть отстраненно. Лишь неотрывный, обжигающий, как ледяная вода летом, взгляд, следовавший за каждым моим движением, давал понять, что мыслями Тим здесь, со мной.

- Сестрицы спрашивали?

Я кивнула.

— А тебе самой не любопытно? Хочешь посмотреть?

Он, словно искушая, вытащил из-под прилавка кусок ткани и без трепета отбросил края в сторону. На темном полотне лежали жемчужные рясы. Рука потянулась прикоснуться к молочным бусинкам, прокатить их между пальцами, но я, очнувшись, отшатнулась и нарочито равнодушно бросила:

— Мне к чему? Я замуж не собираюсь, прихорашиваться не перед кем.

Тим выждал пару мгновений, словно хотел подловить меня на обмане, но затем убрал рясы обратно под прилавок и покосился на пустое лукошко, свисающее с моего локтя.

— В лес собралась?

— Земляники хочу набрать для пирогов.

Медно-рыжая прядка упала ему на высокий лоб, когда он кивнул и одним быстрым, резким движением отодвинул в сторону амбарную книгу. Как старший сын, Тим частенько вел дела в лавке. Именно ему она и должна была со временем достаться. Многие бы душу отдали за такое богатство, но Тима, похоже, его будущее — уверенное, сытое, хорошо просматриваемое наперед, как отражение в начищенном зеркале, — не радовало.

Тим не походил ни на кого в своей семье. Если бы не какие-то общие черты, решила бы, что он подкидыш. Пенять на него и его родных — все равно что равнять между собой холодный, бьющий из недр земли источник и застоявшееся озеро — и то и другое вода. Суть одна, вот только общего у них мало.

В друге, которого я так неожиданно обрела четыре зимы назад на берегу среди тонких берез, чувствовалась сила — хлесткая, порывистая, чистая и пьянящая. Под его взглядом многие замолкали, будто подавившись словами, застрявшими в горле. Для меня же Тим стал самым близким человеком, единственным поверенным в мои беды и маленькие радости.

— Пойдем, — сказал он, выходя из-за прилавка. — Я с тобой прогуляюсь.

Наверняка я радостно вспыхнула, хоть и старалась сохранить безучастный вид. Ведь именно на такой ответ я и надеялась, заглядывая в лавку. Тим мимолетно коснулся моего плеча, подталкивая к порогу. По спине пробежали мурашки, сердце на миг пропустило удар и забилось чаще, как и обычно при его прикосновениях — всегда случайных и коротких. После полумрака лавки жар полуденного солнца ослепил и заставил сощуриться. Я оглянулась: мальчишки, гнавшиеся за мной, ушли. Ближайшие к дому кусты черемухи поредели, рядом с деревьями валялись брошенные палки — ими и исполосовали до дыр молодую зелень. Я вздрогнула, ненадолго представляя, что было бы, не успей я убежать. С каждым днем моя жизнь становилась все труднее. Дети, как злые волчата, чуяли во мне чужачку. Их злобе можно было противопоставить лишь равнодушие взрослых — сомнительный оберег от неприятностей.

Из омута мыслей вырвал звук захлопнувшейся двери. На нее Тим повесил тяжелый амбарный замок с цепью и несколько раз провернул ключ.

— Твой отец едва ли будет рад, что ты покинул лавку, — предупредила я.

— Знаю, — беспечно откликнулся Тим.

В этом был весь он. Всегда делал по-своему, его мало заботило чужое мнение.

Мы сбежали по скрипучим деревянным половицам крыльца, и Тим, поймав мою ладонь в свою, потянул меня во двор. Я вопросительно взглянула на него.

— Возьмем Ветерка.

В конюшне пахло свежей соломой, чуть прелыми яблоками и застарелым лошадиным потом. Возле денника возился Богомир — младший брат Тима. Он проходил мягкой щеткой по бокам Ветерка и приговаривал что-то ласковое, склоняясь к уху вороного коня.

— Держи. — Не сбавляя шага, Тим бросил в брата ключом. На свету, со свистом рассекая воздух, промелькнула тонкая цепочка. — О Ветерке я сам позабочусь.

— Но отец сказал...

Рука Тима уверенно легла на шею Ветерку. Тот повернул голову и тряхнул пышной, тщательно расчесанной гривой. Движения коня выдавали его нетерпение. Из распахнутой настежь двери за моей спиной тянуло ароматом леса, речки и теплом прогретой земли. Ветерок повел влажным носом, вслушиваясь в него, и норовисто перебрал ногами, словно с трудом удерживая себя на месте.

— Отец много говорит. — Тим пожал плечами. — Пропускай мимо ушей хотя бы половину, иначе своих слов не останется.

Растерянный взгляд Богомира натолкнулся на меня. В карих глазах мальчишки (он был на пять зим младше Тима) промелькнуло раздражение. Меня в этой семье, как и в почти любой другой, не жаловали. Но у родных моего друга имелся более весомый повод, чем обычная

неприязнь. На меня, как мухи на мед, слетались неприятности. Мало кто захочет, чтобы его сына, как суденышко в бушующем море, увлек смертоносный вихрь и бросил среди подводных скал на самое дно, усеянное обломками других кораблей и выбеленными от времени костями.

Для всех в деревне я была именно этим — смертоносным вихрем, вестницей Мораны. Той, кого должны были забыть, ведь уже два поколения, как древних богов считали выдумками.

Но выдумки, обретшие плоть и кровь на человеческой вере, так просто не забываются. Человеческая сила — слишком могучая, она пускает корни в душу так глубоко, что вырвать их можно разве что с мясом. Рана зарубцуется, но внутри все равно останется пустота.

Так частенько говаривала в свое время матушка, пряча меня от напастей, что устраивали мне соседские дети. К чему были ее слова, я так и не поняла.

— А, и ты тут... — пробормотал Богомир себе под нос. — Ох, и расвирепееет же матушка!

Я сухо сглотнула. Еще живо было воспоминание о том случае, когда мать Тима набросилась на меня с кулаками и едва не выдрала клочок волос. Друг тогда с трудом оттащил ее от меня и поклялся, что тому, кто хоть пальцем меня тронет, несдобровать. И неважно, кто это будет — чужак или свой, баба или мужик. Он не пожалеет никого.

В ушах до сих пор стоял вой раненой волчицы, который подняла его матушка.

С тех пор мне в их доме были бы рады только в одном случае — если бы пришлось собирать для меня погребальный саван.

— Пусть, — легко отмахнулся Тим и принялся седлать Ветерка. — Если она спросит, скажи, к вечеру ворочусь.

— Но... Иван!

Имя отозвалось в груди едва уловимым трепетом, окатившим меня, словно волна песчаный берег. Для всех вокруг мой приятель всегда был и будет Ваней и только для меня — Тимом. Имя, что я тогда дала ему на берегу реки, так и осталось между нами, как разделенная на двоих тягучая, как темный вересковый мед, тайна.

Тим, не слушая больше брата, вскочил на спину Ветерка. Тот радостно заржал и повернул голову в сторону всадника. Чуть придерживая поводья, Тим направил коня к выходу. Возле меня Ветерок, повинувшись движениям поводьев, послушно замер. Тим склонился ко мне, протягивая руку и помогая забраться на коня. Я неловко устроилась позади друга и расправила юбку задравшегося сарафана.

— Готова?

Тим не обернулся, но я по голосу поняла, что он улыбается. Наверное, как всегда, лишь уголком губ.

— Да.

— Иван!!!

Я обхватила руками Тима за пояс, прижалась грудью к его сильной спине. Под возмущенные окрики Ветерок вынес нас из конюшни. Цокот копыт, смягчаемый сочной травой, глухим эхом раздавался в ушах. В лицо ударил теплый сухой ветер, и мы понеслись к высящемуся за околлицей густому зеленому лесу.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

